

Т.Ю.Косяева,
кандидат социологических наук,
НГАЭиУ,
Новосибирск

**Взаимоотношения
с властными структурами
как критерий
дифференциации слоя российских
предпринимателей**

Начну с утверждения директора фирмы, занимавшейся взаимозачетами, высказанного в процессе интервью в январе 2000 г.: *"Деньгами в России ты не застрахован, а властью застрахован"*. На мой взгляд, оно может служить эпиграфом к статье, посвященной институционально-динамическому аспекту формирования социального слоя предпринимателей. Цель моего исследования, начатого еще в 1991 г., —

рассмотреть формирование социального слоя предпринимателей как социальный процесс. Методологические подходы к решению этой задачи связывались в первую очередь с работами Новосибирской школы экономической социологии. Основная гипотеза исследования возникла как результат осмысления концепции социального механизма развития экономики, разработанной Т.И.Заславской и Р.В.Рывкиной¹. Согласно последней, этапы формирования социального слоя предпринимателей, равно как и его существенные черты определяются трансформацией социальных институтов. Согласно одной из сформулированных мной гипотез, "социальный слой предпринимателей неоднороден, причем основным критерием его дифференциации служит характер взаимодействия его представителей с властными структурами".

Прежде чем изложить основные результаты проверки этой гипотезы, кратко остановлюсь на методах исследования и его информационная база. В рамках исследования проводился качественный контент-анализ федеральных и региональных законов. При проведении глубинных интервью использовалась хронологическая стратегия², когда автор возвращался к тем же респондентам-экспертам через определенные интервалы времени. Интервью проводились в Новосибирске (1991-1999 гг.), Нижнем Новгороде (1996 г.), Красноярске (1995-1996 гг.) с предпринимателями, чиновниками региональных администраций, сотрудниками фондов поддержки предпринимателей и т.д. Кроме того, использовались интервью с предпринимателями, проведенные другими исследователями и опубликованные в СМИ.

Ниже я хотела бы показать как, в каких формах на разных этапах процесса формирования социального слоя предпринимателей взаимодействие с властью продолжало оставаться основным критерием его дифференциации. Почему, несмотря на трансформацию системы социальных институтов, этот критерий работал и продолжает работать. Для решения этих задач ключевым является определение понятия "социальный институт". Сейчас в научный оборот все активнее вводятся идеи и понятия неинституционального подхода (Д.Норт, О.Уильямсон). На мой взгляд, определение социального института "как сети социальных практик, которые регулярно и постоянно повторяются, санкционируются и поддерживаются при помощи социальных норм"³ не противоречит такому подходу и является достаточно продуктивным, ибо понять какие социальные явления стоят в России за такими понятиями, как,

---

¹ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1991.

² Ядов В.А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология. 1991. 4М. № 1.

³ The Penguin Dictionary of Sociology / Nicholas Abercrombie, Stephen Hill and Bryan S. Turner, Penguin Books, 1994. P. 216.

например, "банк" или "биржа", без рассмотрения реальных социальных практик невозможно¹.

Система социальных институтов, сложившаяся в советском обществе к середине 80-х годов, должна, по-видимому, выступать в нашем анализе в качестве точки отсчета, поскольку ее дальнейшая трансформация определяет динамику формирования социального слоя предпринимателей.

В доперестроечной системе социальных институтов "в целом социальный статус определялся не имущественными различиями, а властью и престижем"². В обществах подобного типа — этакратического — основным критерием социальной стратификации является распределение власти, понимаемой в веберовском смысле, как способность социального субъекта (индивида, группы) осуществлять свои интересы безотносительно интересов других социальных субъектов. Другой характеристикой системы доперестроечных социальных институтов является корпоративность. Под корпорацией традиционно понимается иерархически организованная и относительно замкнутая организация, созданная с целью выражения и отстаивания коллективных интересов. Однако, на мой взгляд, целесообразнее рассматривать корпорацию, вслед за А. Пригожиным, в качестве "надорганизации, отстаивающей интересы территории, отрасли или профессии"³.

В то же время необходимо рассмотреть еще одну концепцию, в которой представление о системе социальных институтов, взаимодействующих в экономике советского периода, дополняется концепцией В. Найшуля о существовании "бюрократического рынка". "В отличие от обычного, денежного рынка товаров и услуг, на бюрократическом рынке происходит обмен не только материальными ценностями, но и властью и подчинением, правилами и исключениями из них, положением в обществе..."⁴ Возможности участвующего в бюрократической "торговле" определялись в основном силой представляемой корпорации, а также личными неформальными связями с партнерами⁵.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что для социальных институтов советского общества были характерны такие системообразующие черты, как этакратичность, корпоративность и высокой значимости системы неформальных норм принятия решений.

---

¹ По-видимому, достаточно уникальной является, например, такая российская практика, как использование предпринимателями криминальных структур в качестве гарантов при получении кредитов в банке.

² Радаев В., Шкаратан О. Власть и собственность // СОЦИС. 1991. № 1. С. 34.

³ Пригожин А. Современная социология организаций. М., 1995. С. 61.

⁴ Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма. М: Прогресс, 1991. С. 143.

⁵ Там же.

Модели советской и рыночной систем социальных институтов можно сопоставить исходя из следующих характеристик их систем:

Советской системы

1. Независимые экономические агенты не существуют
2. Основой взаимодействия политических и экономических агентов является **иерархия**
3. Социальные практики принятия решений непрозрачны, корпоративны, монополизированы и реализуются на основе преимущественно неформальных норм
4. Института частной собственности не существует
5. Политические агенты контролируют реализацию иерархических практик

Рыночной системы

1. Независимые экономические агенты существуют и имеют равные права
2. Основа взаимодействий политических и экономических агентов — **контракт**
3. Социальные практики принятия решений прозрачны, демонополизированы, конкурентны и реализуются на основе преимущественно формальных правовых норм
4. Институт частной собственности высоко развит и институционально защищен
5. Политические агенты (государственные и негосударственные) обеспечивают прозрачность и конкурентность социальных практик

Достаточно очевидно, что переход от одной институциональной системы к другой не может быть одномоментным, прежде всего потому, что институты по определению инерционны. Изменения в них происходят очень медленно¹, поскольку социальные практики и нормы не существуют сами по себе, а всегда "впечатаны", интериоризованы в субъектах (политических, экономических агентах). Кроме того, в России ситуация осложнена тем, что ее общество переживает не целевой переход, а преимущественно спонтанную трансформацию², когда не достигнута осознанность и согласованность действий реформаторов и остальных социальных субъектов.

Тем не менее приведенное сопоставление двух моделей институциональных систем является достаточно удобным инструментом анализа трансформации советской системы. Каждый из пяти параметров фиксирует некоторую "ось координат" и позволяет отслеживать изменения или устойчивость соответствующих параметров.

В результате исследования были выделены шесть этапов формирования социального слоя предпринимателей: латентный (1986-1987 гг.), кооперативный (1988-1989 гг.), массовый (1990-1991 гг.),

---

¹ Как отмечает Д. Норт, "хотя формальные правила могут измениться в одно мгновение, как результат политических и юридических решений, неформальные ограничения обычаев, традиций, кодексов поведения гораздо более устойчивы по сравнению с произвольностью политических изменений". (*North D.C. Institutions, Intitutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1995. P. 12.*)

² Понятие "трансформация", в отличие от концепции перехода, подчеркивает зависимость общественных сдвигов от действий не только реформаторов, но и множества социальных субъектов, функционирующих в дезорганизованной институциональной среде". (*Заславская Т.И. О некоторых методологических вопросах исследования современного российского общества // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. 1999, М.: Логос, 1999. С. 141.*)

криминально-приватизационный (1992-1994 гг.), стабилизационный (1995-1998 гг.) и посткризисный (август 1998-2000 гг.).

Этапы процесса формирования социального слоя предпринимателей различаются по следующим параметрам: преобладающие способы получения статуса предпринимателя; преобладающие типы стартового капитала; основные типы предпринимательской деятельности; число независимых экономических агентов; типы независимых экономических агентов (по формально-юридическим критериям); мотивация начала предпринимательской деятельности; самоидентификация предпринимателей со статусом; оценка предпринимательской деятельности общественным мнением и СМИ.

Начало процесса формирования социального слоя предпринимателей связано не с появлением Закона о предпринимательской деятельности в 1991 г., а с Постановлением ЦК КПСС о любительских объединениях, клубах по интересам, которое вышло в 1986 г., и Постановлением ЦК по центрам научно-технического творчества молодежи (ЦНТТМ), которое появилось в 1987 г. и привело к массовому открытию таких центров при комитетах комсомола по всей стране. Статистических данных о количестве ЦНТТМ нет, но экспертные оценки в интервью позволяют оценить масштаб их деятельности. Чаще всего при комитетах комсомола образовывались диверсифицированные структуры, которые потом распались на несколько кооперативов, а часть из них просто ушла в небытие.

Названные постановления разрешали подобным центрам получать статус юридических лиц, т.е. фактически становиться первыми независимыми экономическими агентами. *"Когда мы открывали расчетный счет, в банке никак не могли понять, почему мы ни чего не записываем в графе "вышестоящая организация", и нам стоило больших трудов убедить их, что мы имеем право оставить ее пустой",* — вспоминает бывший второй секретарь горкома комсомола, ныне вице-президент биржи.

Таким образом, в 1986 г. "де-факто" было легализовано занятие предпринимательской деятельностью. Но возможность получения статуса предпринимателя на этом этапе была жестко ограничена принадлежностью к *номенклатуре*, что и позволяет назвать его "латентным", поскольку для всех остальных доступ к предпринимательству был закрыт. Сравним, например, две типичные "жизненные истории": в 1986 г. за организацию цеха по производству джинсов один из опрошенных нами предпринимателей получил срок лишения свободы и был амнистирован только в 1991 г.; другой же, благодаря статусу заместителя секретаря комитета комсомола, "быстро получил текст постановления" и организовал ЦНТТМ, которое в дальнейшем переросло в "Менатеп". На этом этапе начинает складываться новая, "деятельностная"¹ (в от-

---

¹ Это понятие введено О.Крыштановской.

личие от существовавшей в советские времена, "денежно-вещевой") система привилегий.

На дальнейших этапах статус индивида в этакратической, корпоративной системе социальных институтов определял способ приобщения к предпринимательству либо через "назначенчество" (систему деятельностиных привилегий) по принципу "мне предложили", либо через личную достижительную активность по принципу "я начинал с нуля".

Разные способы получения статуса предпринимателя и, соответственно, разные типы стартового капитала, в дальнейшем становятся основой для неравной правосубъектности предпринимательских структур, сохраняющейся в разных формах на всех этапах процесса формирования социального слоя предпринимателей. Проиллюстрировать это можно на примере истории создания кооператива АНТ внуком министра энергетики СССР и бывшим сотрудником КГБ. Кооператив имел высоких покровителей в ЦК КПСС. В 1988 г. в Правительстве СССР был

сформирован наблюдательный совет по АНТ, в который входили руководители Центробанка СССР, Госплана СССР, МВД, таможни и других ведомств. В результате АНТ получил исключительные права в сфере внешнеэкономической деятельности. Вышло правительственное постановление о разрешении кооперативу безлицензионно вывозить ресурсы. АНТ занимался даже продажей сырых алмазов — в обход имевшегося соглашения с "Де-Бирс". Между тем Закон о либерализации внешнеэкономической деятельности был принят только в 1989 г. Первые банки и биржи были созданы также до принятия соответствующих законов. Но наиболее показательным, что к моменту вступления в действие Закона о приватизации (1992 г.) латентная приватизация инфраструктуры была практически завершена. Приватизация управления промышленностью, банковской системы и системы распределения началась значительно раньше. С 1988 по 1991 г. вместо министерств были созданы концерны, вместо госбанков — коммерческие банки, вместо Госснабов и торгов — биржи, СП и крупные торговые дома¹. Поэтому не удивляют данные Госкомстата по числу новых организационных формирований на конец 1991 г.: концерны — 227; консорциумы — 123; ассоциации — 3076; акционерные общества — 8092; коммерческие банки — 1302; биржи — 182; товарищества — 64 729; союзы — 189.

На втором *кооперативном* (1988—1989 гг.) и третьем *массовом* (1990-1991 гг.) этапах неравенство для предпринимательской деятельности проявлялось, во-первых, в существовании *временного*

---

¹ Этот латентный этап приватизации выглядел так: министерство упразднялось, на его обломках создавался концерн в виде акционерного общества (в том же здании, с той же мебелью и с теми же кадрами), министр уходил в отставку, контрольный пакет акций переходил в руки государства, остальные акции перераспределялись между руководством министерства. Главой концерна становилось, как правило, второе или третье лицо упраздненного министерства. Иногда на месте финансового управления министерства создавался коммерческий банк, председателем правления которого становился бывший начальник финансового управления министерства. (Крыштановская О.В. Финансовая олигархия в России // Известия 1996. 10 янв.)

лага между принятием постановлений, разрешающих определенные виды такой деятельности тем или иным конкретным организациям, и законом, делающим эту деятельность легальной для всех предпринимательских структур; во-вторых, в *неравной защищенности* от рэкета, с одной стороны, и от репрессивных действий со стороны властных структур — с другой¹. На этих этапах существовал административный контроль за экономическими агентами, который «действовал избирательно — для "своих" (приближенных к коридорам власти) его почти не было, для остальных он существовал. Правила игры на таком рынке различны для тех, кто играет с властью, и для тех, кто пытается быть самостоятельным»².

Таким образом, независимые экономические агенты с *'равными правами* ни на латентном (1986-1987 гг.), ни на кооперативном (1988-1989 гг.), ни на массовом (1990-1991 гг.) этапах исследуемого процесса не существовали.

В декабре 1990 г. был принят Закон "О собственности в РСФСР", где частная собственность впервые была признана абсолютно равноправной, наряду с государственной, муниципальной, а также собственностью общественных организаций. А 4 января 1991 г. Верховный Совет России принял Закон "О предприятиях и предпринимательской деятельности", согласно которому любой человек мог открыть частное дело и владеть частной собственностью. *Однако институт частной собственности еще не имел разработанной правовой базы и поэтому не мог функционировать.*

Качественное изменение ситуации произошло после августа 1991 г., когда к власти пришли реформаторы. Они впервые открыто заявили о курсе на рыночную экономику и на "создание класса эффективных собственников", но, как и на предыдущих этапах, не предприняли институциональных реформ, направленных на создание прозрачных социальных практик принятия решений. Логика же естественной трансформации советской системы привела к тому, что на основе неформальных институтов бюрократического рынка появились институты спецэкспортеров, лицензирования и квот и т.д.³. Таким образом, фактически возникла устойчи-

¹ Достаточно напомнить, что статья за частнопредпринимательскую деятельность была изъята из Уголовного кодекса только в 1991 г., когда число заключенных, посаженных за экономические преступления, составляло 127 тыс. человек.

² *May В.* Эпоха всеобщего дефицита... // Известия. 1995. 25 янв.

³ Вот один из наиболее одиозных примеров: «Несколько лет Национальный фонд спорта являлся крупнейшим в России импортером алкоголя и табака, благодаря предоставленным этой организации таможенным льготам. По некоторым оценкам, до 90% импорта спиртных напитков и 95% сигарет принадлежало коммерческим структурам, учрежденным фондом. Как отмечает в интервью журналу "Деловые люди" заместитель председателя Счетной палаты, льготы Национальному фонду спорта нанесли ущерб бюджету в сумме более 1 трлн руб. Такой же существенный урон наносит государству и незаконное предоставление таможенных и налоговых льгот под разными благовидными предлогами, причем всегда — без какого-либо контроля за их использованием». (Спирт вместо спорта // АИФ. 1996. № 22.)

вая социальная практика издания указов, создающих привилегированные условия для отдельных предпринимательских структур и выводящих их из общего правового поля.

Аналогичные процессы происходили на региональном уровне. Более того, в 1992-1994 гг. произошло ослабление институтов государственной власти, и институционализация криминальных социальных практик вступила в следующую после ржета стадию, когда "дань" стала взиматься с коммерческих структур в виде акций. Это давало возможность криминальным авторитетам делегировать своих представителей в правление или совет директоров, а с 1993 г. началось создание предпринимательских организаций со стартовым криминальным капиталом. Кроме того, на этом этапе государственные силовые структуры и правоохранительные органы под влиянием процессов децентрализации и постоянных структурных перестроек были в значительной мере ослаблены. Это создало у предпринимательских структур объективную потребность в специальных институтах, способных защищать их собственность и личную безопасность¹. "Государство утратило монополию легитимного насилия, т.е. функции защиты стали в значительной степени выполняться криминальными группами"².

1992-1994 гг. с полным основанием могут быть названы *криминально-приватизационным этапом* исследуемого процесса. На этом этапе появилась группа предпринимателей, ориентированная на взаимодействие с криминальной властью: *"Во-первых, мои бандиты порядочнее, чем милиция. Дали слово — держат его, и ты будь добр. Во-вторых, у бандитов можно взять льготные кредиты под 40-50% годовых (в два раза ниже процент, чем у государства). В-третьих, они дают мне расти и развиваться, работаю с ними два года, они видят, что у меня сейчас взять нечего, они и не берут. В-четвертых, они могут востребовать долги с любого лица, и быстрее, нет денег — натурой возьмут или работать на меня заставят"*.

На следующих этапах (1995-1998 гг. и август 1998 - январь 2000 гг.) политических агентов, обеспечивающих прозрачность социальных практик принятия решений (как и соответствующих правовых норм), создано не было. Произошло расширение сфер, в которых действовали разные правила игры для предпринимательских организаций, играющих на стороне или вместе с властью (федеральной или региональной) и всех остальных. Появился доступ к бюджетным деньгам через институт уполномоченных банков, залоговые аукционы и льготы по налогообложению.

---

¹ Однако еще на "кооперативном" этапе процесса формирования социального слоя предпринимателей государственные силовые структуры и правоохранительные органы самоустранились от деятельности, связанной с обеспечением безопасности предпринимателей. В это же время происходила стремительная институционализация организованной преступности.

² Волков В. Организованное насилие, экономический рынок, консолидация государства // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем... С. 227.

По данным на февраль 1997 г., серьезных нарушений с уплатой налогов не было только у 16,5% юридических лиц, 48,5% — имели хроническую задолженность, а 35% из 2,8 млн юридических лиц в России налоги не платили и отчетность не предоставляли. Задолженность по налогам в Федеральный и местные бюджеты составляла 130 трлн руб., причем 45% задолженности висело на 73 крупнейших предприятиях¹.

Таким образом, провозглашенные правительством рыночные реформы продолжали реализовываться без упора на создание равных прав для всех экономических агентов.

В заключение, хотелось бы обратить внимание на особенности переживаемого момента. Впервые с начала реформ власть в лице президента декларирует необходимость создания прозрачных, одинаковых для всех правил игры. Более того, впервые за период реформ предпринята попытка *создания политических агентов*, основная функция которых — *обеспечивать прозрачность социальных практик принятия решений* на Федеральном и региональном уровнях. В рамках реформы государственного управления усиливаются властные полномочия Счетной палаты, главного государственного органа независимого финансового контроля².

---

¹ *Валюженич Г., Виркунен В.* О неплательщиках налогов известно все // АиФ. 1997. № 9.

² В интервью с руководителем Счетной палаты С.Степашиним говорится также о создании сильных методических, аналитических подразделений, серьезной правовой службы внутри Счетной палаты. (Независимая газета. 2000. 17 июня.)

³ *Заславская Т.И.* О социально-трансформационной структуре современного российского общества // Общество и экономика. 1999. № 3-4.